

Имеют ли смысл его записки? Вопрос этот не был случаен для Георгия Алексеевича, который в своей деятельности искал оправдания своей жизни. Вот одна из записей, сделанная им 7 сентября 1940 г.: «Наше время великих событий, перестройки мира и маленьких, слишком маленьких событий личной, общественной жизни, как фон, как „грунтовка” для этих событий <...> О больших событиях будут писать исторические личности — политики, полководцы, дипломаты, участники событий <...> О мелких событиях пишут мало и их, как „злободневные”, забывают. Я не участник великих событий, я только свидетель их. Я историк мелких фактов, того, что встречаю на моем малом радиусе»³⁰. Однажды потребность в ежедневном писании Георгий Алексеевич определил для себя так: «Беседую с самим собой и представляю себе какого-то „дальнего друга”. <...> Может быть, причина этому моя замкнутость, необходимость прорвать этот круг отграниченности, высказать свое мнение, дать какому-нибудь событию свою оценку. Так или иначе — пишу»³¹.

Во время Великой Отечественной войны Г. А. Князев вел записи практически ежедневно на листах бумаги, складывая их в обычные папки для тетрадей. Хронологически дневники охватывают период с 22 июня 1941 г. по 28 августа 1945 г. До 12 августа 1942 г. Г. А. Князев с Марией Федоровной оставались в Ленинграде. 12 августа в 6 утра самолетом они были переправлены в Москву, а 26 августа поездом уехали в Боровое, в Казахстан, куда были эвакуированы многие ученые. В Ленинград они возвратились из Москвы 2 июня 1944 г.

Принцип отбора информации для дневниковых записей и в военные годы постоянно волновал их автора. Прямая фиксация увиденного и непосредственность восприятия оставались неизменными при ведении подневных записей и в годы Великой Отечественной войны — вплоть до эвакуации в Казахстан. Записи, сделанные в Боровом, Г. А. Князев оценивал как отрывочные, случайные и неинтересные³². Так же критически автор относился и к своим московским дневникам: «Плохо велись мои записки в Москве, не было „стержня”...»³³. Несмотря на голод, холод, артобстрелы, близость смерти во время ленинградской блокады, а

³⁰ Там же. Д. 94. Л. 9.

³¹ Там же. Л. 151.

³² ПФА РАН. Ф. 929. Оп. 2. Д. 104. 12 сентября 1942 г.

³³ Там же. Д. 109. Л. 29.

также испытываемый страх за родину, за Архив, с 22 июня 1941 г. по август 1942 г. Георгий Алексеевич вел свои записи в Ленинграде ежедневно, и это дневник человека активного, если не физически, то интеллектуально.

Эвакуация в поселок Боровое в Казахстане, давшая, казалось бы, личную безопасность, сытую жизнь, произвела тяжелые перемены в настроении и душевном состоянии Георгия Алексеевича. Отрыв от работы в Архиве привел к ощущению собственной ненужности. Записи в дневнике стали нерегулярными, от случая к случаю. Интересно, что похожее состояние переживал не один Князев. Так, академик И. Ю. Крачковский, уже будучи тяжело больным, вынужден был в июле 1942 г. покинуть Ленинград, но, оказавшись в Москве, переживал похожее состояние апатии: «...с отъездом из Ленинграда, — писал он, — какой-то нерв у меня вынут, и я все не могу ни на чем сосредоточиться»³⁴.

Дневник Г. А. Князева — произведение не литературно-бытового жанра, а исторический документ. Надо отметить, что за последние годы, уже после выхода в свет «Блокадной книги» Д. Гранина и А. Адамовича, издано значительное число дневников блокадных лет. Однако количество подобных публикаций не обесценивает ни то, что уже издано, ни то, что еще необходимо ввести в научный оборот. Повседневные датированные записи, фиксация «только что» произошедшего, «только что» прочувствованного сопряжены у Князева с предельной искренностью, откровенностью описаний. Именно эта особенность дневника Георгия Алексеевича, придает ему подлинность и достоверность исторического документа. Однако, чтобы дневник приобрел такое значение, важна и личность его автора. В нашем случае события даны в освещении историка, человека с аналитическим складом ума, с потребностью философского осмысления происходящего. И в то же время для читателя не менее важно и то, что, какие бы события ни описывались, они преломляются в дневниковых записях через призму чувств и настроений конкретного живого человека.

Рукопись дневников названа автором «Дни великих испытаний. Война с Германией. Впечатления на моем малом радиусе». Сохранение баланса между описанием важнейших мировых событий (большой радиус) и происходящим рядом (малый радиус)

³⁴ Цит. по: *Долинина А. А.* Невольник долга. СПб., 1994. С. 329.

постоянно волнуют Г. А. Князева. К написанию дневников он подходит, по его собственным словам, «как честный бытописатель-летописец». Для описания событий «большого радиуса» Георгий Алексеевич использовал, но с большой осторожностью, радио и газеты. Он писал: «...чаще всего остаются отзвуками мировых событий лишь газеты. Но документ этот крайне своеобразный, и историю по ним не напишешь». Понимая политическое значение газет, Князев, как профессиональный историк, не мог не осознавать, что газета «умело, как нужно, освещает [события], точнее, информирует о них, и молчит о том, о чем не нужно говорить, потому что это дезорганизует волю масс». «Правда, — как он пишет, — взамен этого масса питается слухами, иногда самыми фантастическими, нелепыми. Слухи эти сильнее и могучее, чем газеты»³⁵. В дневниках Георгий Алексеевич не только пересказывает газетную информацию, но часто вкладывает в папку с дневниковыми записями целые страницы из газет — чаще всего это «Ленинградская правда» и, конечно, ее номер от 22 июня 1941 г. — или вклеивает газетные вырезки. Так, 19 июля 1941 г. Князев вклеил в дневник вырезку из газеты с обращением Московского общества испытателей природы (президентом его был академик Н. Д. Зелинский, вице-президентом — академик В. И. Вернадский) «К ученым естествоиспытателям Великобритании»³⁶, там же вклеена фотография «После бомбардировки в Лондоне» и т. д. Сохраняя информацию из газет, он даже заводит отдельную «рубрику» — «Документы „прогресса“», вклеивая в дневник фотографии со свидетельствами фашистского варварства. 12 августа 1941 г. это иллюстрация из «Огонька» с подписью: «Памятник английскому поэту Мильтону, разрушенный бомбой гитлеровских бандитов»³⁷.

Профессиональный историк-архивист рассказывает в авторе дневника и тогда, когда он наклеивает на лист тетради билет на получение обеда в академической столовой, отмечая при этом, что за каждое кушанье вырезают талон из продовольственной карточки. Сама же еда в столовой по качеству не была эквивалентна хлебу, поэтому, как пишет Князев, этот билет превратился в «билет смерти от истощения»³⁸. Рядом — остаток карточки на хлеб

³⁵ Там же. Д. 105. Л. 14.

³⁶ Там же. Д. 95. Л. 86. 1941.07.19.

³⁷ Там же. Л. 154.

³⁸ Там же. Д. 96. Л. 231.

за декабрь 1941 г. с подписью: «Выдавалось по 125 граммов на день»³⁹. Вложены в дневник и несколько писем (например, письмо с фронта А. М. Черникова, сотрудника Архива АН СССР), копии писем, отправленных самим Князевым или Марией Федоровной.

Источником ежедневных записей были в первую очередь собственные наблюдения. События личной жизни, переживания, Г. А. Князев описывает с большой сдержанностью, считая, что это вряд ли может заинтересовать «будущего читателя». Для истории важно, по его мнению, «не <...> только оторванная личная жизнь, а связанная, спаянная с событиями величайшей значимости». Но в то же время автор подчеркивает, что честно заносит в свои записки все, что видит. «И эти „детали“ нашего быта имеют право на свою регистрацию историка-бытописателя», — пишет он⁴⁰.

Дневники Г. А. Князева — это история жизни и быта ленинградцев в годы блокады. Описывая начавшиеся обстрелы города, Князев дает даже схематичный рисунок Университетской набережной с указанием места, куда падали бомбы⁴¹. День ото дня отмечая изменения на улицах города, сокращение видов транспорта на Васильевском острове, на Невском проспекте, Князев в один из дней записывает: «Смерть от голода и истощения смотрит нам в глаза. На моем пути остался один вид транспорта — салазки, и на них дрова или гроб...» О сокращении норм выдачи хлеба, отсутствии других продуктов автор записей информирует скупыми строками: «1942. 11 января. Воскресенье. Окончилась очень тяжелая неделя для ленинградцев. За всю неделю не было выдано продуктов за январь, кроме хлеба и довыдачи за декабрь не получившим продуктов за вторую и третью декабрьскую декаду».

Как директор академического учреждения, Князев вместе с профоргом Архива борется за увеличение пайка для кандидатов наук, которые имели его меньше, чем другие работники, например уборщица. Но в увеличении пайка кандидатам наук отказано. «Что же им остается — умирать?» — передает слова женщины-профорга Князев. «Возможно, что и умирать», — такой ответ получает она в Обкоме Союза высшей школы и научных учреждений. «Вот так, — пишет в дневнике Князев, — „канди-

³⁹ Там же. Л. 232.

⁴⁰ Там же. Д. 105. Л. 11.

⁴¹ Там же. Д. 96. Л. 64 об.

даты наук” превратились в действительных кандидатов... на смерть от голода и истощения».

В дневнике находят место талантливо созданные, образные портреты города и горожан, рисующие трагическую картину блокадного Ленинграда: «Холодный, морозный, но безветренный день. Ехал домой в сумерках. За Невой вспыхивали изредка багровые вспышки, и где-то далеко и глухо через несколько секунд слышался гул орудийного выстрела. Сумерки и дымка от мороза над Невой скрыли тяжелые и легкие раны на зданиях по набережным. Иней сделал седыми моих древних друзей — сфинксов, иней разукрасил деревья в Румянцевском саду, у дворца князя Меншикова. Невольно остановился и любовался красотой родного многострадального города. Стоял и смотрел на дивную панораму сказочно прекрасного Ленинграда. Пустынно было на набережной, только по главной магистрали через Николаевский мост двигались транзитные пешеходы — мужчины с поднятыми воротниками в штатском, или в шапках-ушанках военные, женщины в платочках, в полупальто и в коротких юбках, из-под которых чуть не до самых ступней спускались шаровары. Это теперь модно»⁴².

То, что раньше казалось невыносимым, становилось обыденностью: «А. И. Андреев говорит, что у них в районе Обводного канала против дома, в котором он живет, вот уже несколько дней лежит умерший человек, которого некому убрать. Через мост им. Лейт[енанта] Шмидта, как по главной магистрали, соединяющей остров с центральными частями города, каждый день движется ручной транспорт: дрова, поклажа. Теперь на набережной прибавилась носка воды, и, как всегда, через мост везут покойников — теперь чаще без гробов, в виде обернутых тряпками мумий. Все это становится нашим бытом! Да, да, бытовым явлением, привычным, обыкновенным»⁴³.

Дневники Г. А. Князева сохранили свидетельство деятельности Академии наук в Ленинграде в блокадные дни. Прежде всего — спасения и эвакуации архивных, музейных и библиотечных ценностей. Неорганизованность, суета первых военных месяцев волновала и раздражала директора академического Архива: он помнил эвакуацию 1918 г. Спасти старались все, что можно было спасти. Так, как сообщает Г. А. Князев, из опасения послед-

⁴² Там же. Д. 105. Л. 8.

⁴³ Там же. Л. 82.

ствий бомбежек, была законсервирована по инициативе Отдела охраны памятников знаменитая мозаика М. В. Ломоносова «Полтавская баталия», находящаяся в Главном здании Академии наук в Ленинграде. Она была закрыта «марлей и рубероидом. После чего заложена кирпичной стеной»⁴⁴. Однако вскоре после начала блокады силой взрывной волны были вышиблены «почти все стекла в Главном здании Академии наук, в старинном здании Кунсткамеры, в многострадальном Зоологическом музее и впервые за три месяца бомбежки четыре стекла у нас в Архиве»⁴⁵. Но, как свидетельствует Князев, даже в самые тяжелые дни Академия не прекращала работу: «1942. 6 января. Вторник. На научном заседании Комиссии по истории Академии наук я сделал доклад „К истории замещения академических кафедр за все время существования Академии (1725—1941)“. Заседание происходило под председательством академика И. Ю. Крачковского. Присутствовали: А. И. Андреев, Л. Б. Модзалевский, П. М. Ступов, М. В. Крутикова и другие»⁴⁶. 25 декабря 1941 г. в Доме ученых состоялось «заседание, посвященное памяти Витуса Беринга, погибшего 200 лет тому назад на острове, носящем теперь его имя». С докладом выступил А. И. Андреев, другой докладчик — Чаев «заболел от истощения»⁴⁷.

Несомненно, дневники Г. А. Князева являются уникальным документом и для истории Архива Академии наук. Большинство фактов, касающихся работы Архива, судеб его сотрудников, не зафиксированы в других источниках. Даже один-два примера подтверждают справедливость сделанного заключения: «1942. 8 января. Четверг. В читальном зале Архива Лосева сколачивает два гроба — для С. А. Шахматовой и ее сына. Думал ли я, что ученый секретарь „по совместительству“ делается гробовщиком!»⁴⁸ И еще одна дневниковая запись: «Прошел сегодня по хранилищам Архива. Темно, как в склепе, и холодно, мороз 5—7 градусов. Смотрел на ряды полок с архивами академиков, их рукописями, корреспонденцией. Сколько забот и любви было вложено в работу над систематизацией и описанием их! Зашел в свой давно оставленный служебный кабинет-музей, с портретами, с релик-

⁴⁴ Там же. Д. 97. Л. 96.

⁴⁵ Там же. Л. 148.

⁴⁶ Там же. Л. 17.

⁴⁷ Там же. Д. 97. Л. 204.

⁴⁸ Там же. Д. 105. Л. 22.

виями прошлой деятельности Академии. Окна забиты фанерой... На столе лежат гранки с главами по истории Академии, ящики с карточками... На всем пыль, и все холодное как лед. В читальном зале опилки и сколачиваемый гроб из двух ящиков... Это Архив Академии наук Союза Советских Социалистических Республик в январе 1942 года»⁴⁹.

Но Архив работал: принимал на хранение архивы ученых, умерших, эвакуирующихся и пытающихся спасти свои рукописи. И это несмотря на то, что сотрудников становилось все меньше и меньше, а оставшиеся с трудом передвигались. «Сiju я теперь в одном из запасных помещений Архива, в западной башне выступа старого Таможенного здания — теперь Зоологического института, — пишет Князев. — Работалось хорошо, но было холодно, особенно с ног. Лосевой сегодня не было — выходная. Травиной не было: она хлопочет о восстановлении утраченных карточки и паспорта. Орбели не было — слаба; Модзалевского не было... А те, кто были, грелись у плиты в 12-й проходной комнате или стояли в очереди в столовой: пожелтевший Стулов, беспокойная Крутикова, не человек, а тень Цветникова и двое дежурных — исхудавшая, как щепка, Беркович и Костыгова, которой сегодня особенно нездоровится. Таков личный состав Архива в январе 1942 года»⁵⁰. 12 марта 1942 г. Т. К. Орбели и П. М. Стулов умерли.

В дневнике Г. А. Князева читаем о судьбах ученых, ленинградцев, соседей и знакомых Георгия Алексеевича в годы блокады: «В нашем доме сегодня четыре покойника. Умерли вдова академика Ф. И. Успенского, бывший дворник Курда, академический работник Зайцев и пришедший в квартиру № 6 (против нас по нашей лестнице) гость». Об А. И. Андрееве, одном из виднейших специалистов в СССР по истории Сибири, Князев пишет, что всю осень и зиму 1941/42 г. он «неослабно трудился над своими очередными темами, в особенности по истории Беринговской экспедиции. В декабре в заседании, посвященном памяти 200-летия смерти Беринга, прочел доклад о нем. Написанную статью на ту же тему сдал в „Морской сборник“. Осенью его квартира (комната) была дважды разгромлена взрывной волной. Комнату пришлось менять, и в новой также были выбиты стекла.

⁴⁹ Там же. Л. 25—26.

⁵⁰ Там же.

Окна и тут пришлось заделать фанерой. Все эти испытания не сломили силы его духа и трудоспособности. Сегодня он дежурный по Архиву. Не понравился мне его вид: желто-зеленый цвет лица, усталые глаза. „Ну, как Вы живете?“ — спросил я его (в Архиве он теперь с моего разрешения бывает раз в неделю). — „Дух бодр, но вот плоть немощна, начинает сдавать“. Ко мне на третий этаж он не поднялся, поберег, видно, свои силы, и я ничего более о его жизни и научной работе не узнал»⁵¹. Как бы оправдываясь в том, что пишет не всегда о значительных исторических фактах, Г. А. Князев замечает: «Я пишу о тех людях, которые меня окружают, близких мне по работе в Академии наук и некоторых моих сослуживцах и подчиненных. Задача моя — просто и четко отразить, как небольшой наш коллектив переживает эти страшные дни»⁵².

В страшном январе 1942 г. Князев составил целую программу развития Архива: комплектование, справочный аппарат, строительство нового здания, должностные обязанности сотрудников и т. д. 14 марта 1943 г., находясь уже вдали от родного Архива, Георгий Алексеевич в своем дневнике отметил важную для него дату — тридцатилетие служебной и научной деятельности: «Тридцать лет, отданных одной специальности, — архивному делу! Неблагодарному делу. И вот судьба оторвала меня от него...»⁵³

Помимо событийного ряда дневники ценны записями размышлений их автора, позволяющими проследить осмысление происходящего русским интеллигентом: «Не мог заснуть. Для чего, зачем? Зачем они умирают, для чего мы страдаем? Чтобы торжествовали немцы или англичане, американцы или японцы, итальянцы или французы? Но это значило бы только то, что пожирание одних другими будет продолжаться бесконечно! И страдания людей тоже ... Я не принимаю никакую войну, кроме войны против войны»⁵⁴.

Дневники военных лет заканчиваются Г. А. Князевым в августе 1945 г.: «Страница истории перевернута <...> И где мне поставить точку по военному периоду? Написано немало, но после того, как я покинул Ленинград в августе 1942-[го], мои запис-

⁵¹ Там же. Д. 105. Л. 42.

⁵² Там же. Л. 43.

⁵³ Там же. Д. 108. Л. 33.

⁵⁴ Там же. Д. 105. Л. 1.

ки крайне отрывочны. Может быть, кому-нибудь и пригодятся. Буду вести их и дальше. Не могу не вести их, потому что они дают мне осмысление происходящего, ставят вопросы, регистрируют факты, мысли и впечатления...»⁵⁵.

⁵⁵ Там же. Л. 110. Л. 96.